

Э. П. Карпеев

О МИРОВОЗЗРЕНИИ М. В. ЛОМОНОСОВА

Вначале напомним, что понятием мировоззрение охватывается система взглядов на устройство мира и на место в нем человека; оно определяет его, человека, социальную, нравственную, научно-теоретическую, философскую и религиозную ориентацию. Понятно, что без выяснения всех аспектов ориентации невозможно получить достаточно полное представление о человеке. Это особенно важно, если речь идет о Ломоносове – ученом и деятеле культуры, поскольку его научная и религиозная ориентация сыграла заметную роль в духовной жизни России. Существенно еще и то, что мировоззрение великого деятеля русской культуры явилось этапом, причем начальным этапом в противостоянии религиозного и научного мировоззрений в России. Этот процесс имел длительную историю в западной культуре, чему посвящена достаточно обширная литература, из которой, на наш взгляд, наиболее квалифицированной и объективной по содержанию, и доступной русскому читателю, является книга Ю. А. Кимелева и Н. Л. Поляковой «Наука и религия: историко-культурный очерк» (М., 1988.) Авторы начинают с утверждения, что «История взаимодействия религии и науки – это по преимуществу борьба за приоритет, за утверждение своих подходов к миру, своего типа рациональности, своих интерпретационных схем и теорий. Эта борьба всегда велась осознанно со стороны религии. Что же касается науки, то она начала утверждать свою независимость от религии открыто и явно только в Новое время и провозгласил эту борьбу Николай Коперник». Правда, провозгласил только после смерти, когда завещал опубликовать свою книгу, но важно другое: коперниканская революция произошла в области астрономии, единственной науки о природе, которая входила в состав «семи свободных искусств». Астрономия изначально понадобилась христианской церкви для точного вычисления времени подвижных праздников и особенно – пасхалий, а также для создания единого календаря, объединяющего разнородный христианский мир. Со временем и наука, в средние века полностью подчиненная церкви, начинала тоже отвоёвывать свою самостоятельность.

У нас нет возможности проследить все этапы этого процесса, отметим лишь наиболее существенные из них. До XIII в. был широко признанным взгляд Аурелия Августина на параллелизм Откровения и окружающего нас мира. Природный мир, считал западный отец церкви (признаваемый таковым и РПЦ) Блаженный Августин, только потому и важен, чтобы наглядно разъяснять истины Писания. Позднее, как представляется, именно на этой основе появилась так называемая теория двух книг, разграничивающая области применения Откровения и науки. В интерпретации Ломоносова это звучит так: «Создатель дал роду человеческому две книги. В одной он показал свое величество, в другой свою волю. Первая – видимый сей мир, им созданный, чтобы человек, смотря на огромность, красоту и стройность его зданий, признал божественное всемогущество, по мере дарованного себе понятия. Вторая – Священное писание»¹. Наука, считали ученые, пытаясь получить область своей независимости от религиозных догм, должна изучать причины и следствия всех явлений природы, то есть действовать рационально.

---

¹ ПСС. Т. С.

Позднее, в XVII в. в противостоянии науки и религии наряду с теорией двух книг появилось еще одно течение мысли, которое проистекало, по существу, из Книги Бытия. Бог, создав сей мир и увидев, что «это хорошо», практически устранился от вмешательства в дела людские. Он дал им лишь некоторые законы поведения: иметь свободу воли, в поте лица зарабатывать свой хлеб, женщинам рожать в муках и через какое-то время всем умирать. (В Книге Бытия Гл. 3, стих19: «В поте лица будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю...»). Утверждение о том, что Бог не вмешивается в дела людей, научный деизм, именно такое название получило это течение мысли, расширил до того, что Бог дал и природе законы, по которым она должна существовать, а для этого придал всему сотворенному миру очень большие, но все-таки конечные количество материи и движения. С тех пор вмешательство Бога в естественный ход событий все, в том числе и церковь, признают чудом.

Открытие гелиоцентрического устройства известной тогда Вселенной стало решающим моментом в противопоставлении научного религиозному мироустройству. Это была своего рода революция, изменившая представление об устройстве мира, которое лежало в основе христианской религии. Космогонические представления Библии невероятно скудны; начало мира, описанное в двух первых главах Книги Бытия, для части образованных людей даже в средние века выглядело очень примитивно (и добавлю – очень противоречиво, если сравнить 1-ю и 2-ю главы Книги Бытия), поэтому стали появляться теории, в которых акт творения выглядел иначе, чем в Библии. Так французский атомист П. Гассенди (1592-1655) в своем труде *Sintagma philosophicum* (Свод философии) утверждал, что атомы сотворены Богом. Они имеют различную форму и вес, и, группируясь, составляют все тела Вселенной. Но Бог при сотворении мира, считал Гассенди, их группировал по своей воле, ибо при случайной группировке они не могли бы составить тело. Атомы, по представлениям Гассенди, являются причиной не только качеств тел, но и их движения. Позднее и И. Ньютон (1642-1727) в своей «Оптике» высказал подобную мысль: «Мне кажется вероятным, что Бог в самом начале сотворил вещество в виде твердых, имеющих массу, крепких, непроницаемых, движущихся частичек <...> а материальное, по-видимому, построено из упомянутых твердых и крепких частичек»². Таким образом, устами этих двух ученых деизм приписал Богу акт творения мира не в его нынешнем виде, а в виде материальных частиц, которые по воле Бога или по данным им законам стали группироваться, положив, тем самым, начало создания мира.

Что же касается России, то в силу ряда причин в ней до XVIII века продолжала господствовать традиционная христианская космология с Землей в центре мира, ограниченного твердым небом с закрепленными на нем неподвижными звездами. Непререкаемым было сотворение неба и Земли, «видимых же всех и невидимых» по книге Бытия, закрепленном в Никейском символе веры, тогда известном каждому православному человеку.

Как и на Западе, прорыв у нас начался с астрономии: в Петербурге в русском переводе была издана книга французского ученого Б. Б. Фонтенеля (1657-1757) «Разговоры о множественности миров», в которой излагалась коперниканская система строения Вселенной а также крамольная для господствующего у нас в то время мировоззрения мысль о возможности

² Цит. по книге *Менишуткин Б. Н. Труды М. В. Ломоносова по физике и химии. М.:Л. 1936. С. 79*

существования людей на некоторых планетах солнечной системы. Естественно, что в 1740 г. книгу Фонтенеля запретил Синод. Это был первый случай открытого противостояния религиозного и научного мировоззрений в нашей стране. Такое противостояние продолжил М. В. Ломоносов, мировоззрению которого будет посвящено дальнейшее повествование. Выше мы отмечали, насколько важным были его идеи для научной жизни России, поэтому удивительно, что за длительную историю изучения жизни и творчества Ломоносова объективному знакомству с его мировоззрением практически не уделялось внимания³.

После смерти Ломоносова руководство русской православной церкви, как бы забыв о всех прижизненных трениях с ним, всячески делало вид, что Ломоносов был ортодоксально православным человеком. В столетие со дня его смерти по призыву Св. Синода в храмах России были совершены поминальные богослужения, а в Петербурге такое богослужение было отмечено особой торжественностью, Заупокойную литию совершал митрополит Петербургский и Новгородский Исидор «в сослужении с шестью архимандритами и четырьмя иеромонахами», а соборную литургию – с еще большим составом клира. Именно тогда митрополитом было сформулировано отношение церкви к Ломоносову: он, по словам митрополита, был «истинно православным христианином и тем показал образец истинного ученого ученым и писателям нашего времени!» Так был установлен официальный взгляд на религиозность Ломоносова, который не изменялся в течение почти целого века. Общество, имея очень слабое представление о взглядах Ломоносова, почти не реагировало на это, и только в начале прошлого века, когда двухсотлетний юбилей Ломоносова возродил интерес ко всем сторонам его личности и творчества, появились отдельные публикации, отстаивающие противоположную точку зрения. К сожалению, это был единственный случай в истории ломоносоведческой литературы, когда свободно высказывались взгляды авторов на столь задевавшую многих проблему⁴. Впоследствии, под новым идеологическим прессом, Ломоносову приписывали «атеистическую направленность» его творчества⁵. Из живого человека, из ученого, страдавшего и боровшегося, заносчивого и самолюбивого его превратили в казенную схему, и он стал на долгие годы неприкасаемым⁶.

В настоящее время, когда в России произошло возрождение православной церкви, снова стала актуальной проблема сосуществования веры и науки. В ее решении современная РПЦ актуализировала традиционное непризнание рационализма, следствием чего стало отрицательное отношение к достижениям современной науки. Особенно разительным тому примером стала пока еще не удавшаяся недавняя попытка организовать первый в нашей стране «обезьяний процесс».

Эта статья не ставит целью обзреть все проявления разногласий нынешних представителей и приверженцев РПЦ с современной наукой – они многочисленны и известны всем, кто так или иначе сталкивался с этими

³ К одному из достаточно объективных исследований философских взглядов Ломоносова можно отнести раздел «М. В. Ломоносов» в книге А. А. Галактионова и П. Ф. Никандрова *Русская философия IX-XIX вв.* Л. 1989. С. 91-107. Однако авторами вовсе проигнорированы взгляды Ломоносова на мироустройство.

⁴ По-видимому, это объяснялось условиями того времени, когда, по мнению одного из современных авторов, с 1861 по 1917 гг. в России наблюдалась хотя и относительная свобода мнений.

⁵ См. например, весьма одиозную книгу Г. С. Васецкого *Мировоззрение М. В. Л. М.*: Л. 1961., и более позднюю, но более официальную статью ЛОМОНОСОВ в *Философском энциклопедическом словаре* (М. 1983.)

⁶ *Романовский С. И.* Наука под гнетом российской истории. СПб. 1999. С. 52.

явлениями⁷. Отмечу лишь важное для нашей цели: в светской печати и на телевидении некоторые православные авторы в полемике с очень авторитетными представителями Российской Академии наук как бы привлекают на свою сторону таких ученых, как А. Эйнштейн, И. П. Павлов и того, кто жил значительно раньше них – М. В. Ломоносова. Эти ученые, по мнению наших клерикалов, верили в Бога, из чего якобы следует, что между наукой и религией нет никаких разногласий. Оставим изучение отношений с Богом первых двух персонажей соответствующим специалистам, и обратимся к первому русскому ученому-естествоиспытателю.

Особенностью русского мышления того времени было стремление видеть мир единым и неделимым и, вероятно, поэтому Ломоносов пытался создать всеохватывающие «системы», например, «систему всей физики». По его естественнонаучным трудам видно, что таким же было его желание построить систему мира, «опирающуюся на атомы». Ниже я покажу как выглядели такие его попытки, которые, насколько можно судить по найденным и опубликованным его работам, не нашли развития. По всей вероятности такая задача оказалась Ломоносову просто не по силам, к тому же жизненные и другие научные проблемы отвлекали от нее ученого. Вместе с тем эта мысль его не оставляла и к ней Ломоносов в той или иной мере периодически возвращался, о чем свидетельствуют сохранившиеся записи некоторых его соображений, относящихся к этой теме. Их внимательный анализ, может привести к достаточно адекватной реконструкции, если не всех, то некоторых мировоззренческих установок Ломоносова.

Но, прежде, чем перейти к такой реконструкции, целесообразно познакомиться с наиболее интересными для целей настоящей статьи работами предшественников. В начале прошлого века профессор Петербургского университета и Высших женских курсов В. В. Сиповский создал из своих слушателей и слушательниц «кружок лиц, интересующихся русской литературой XVIII века» и, наметив темы будущих статей, предоставил им полную самостоятельность. Затем он эти статьи издал в Сборнике, приуроченном к двухсотлетию со дня рождения Ломоносова⁸. Надо сказать, что его опыт удался, и в сборнике появились весьма самостоятельные по мысли (или, как писал ранее Ломоносов, – «непредупрежденные») и оригинальные по теме статьи, из которых первые три (А. Попова «Наука и религия в мирозерцании Ломоносова», Вл. Тукалевского «Главные черты мирозерцания Ломоносова (Лейбниц и Ломоносов)» и Веры Дороватовской «О заимствованиях Ломоносова из Библии») объединяло желание авторов разобраться в «мирозерцании» Ломоносова. Поскольку этот сборник труднодоступен для большинства наших читателей, то, по-видимому, имеет смысл познакомиться хотя бы с некоторыми наиболее существенными мыслями, высказанными в указанных статьях. А. Попов проследил трансформацию религиозных взглядов Ломоносова и пришел к такому (резко контрастирующему с распространенными до этого взглядами) утверждению: «Вера, как непосредственное созерцание объектов сверхчувственного мира, соединенное с чувством их реальности, была ему (Ломоносову. – Э. К.) чужда и непонятна, по складу его духовной организации. Только то из

⁷ Например, В. И. Большаков в своей книге «Грани русской цивилизации (М. 1999.)» дошел до утверждения, что «Сегодняшняя Россия, ведомая непостижимым Промыслом Божиим, стала тормозом на пути “прогресса” человечества...» (С.239)

⁸ 1711-1911. Ломоносовъ. Сб. статей под ред. В. В. Сиповского. СПб. 1911.

сверхчувственного мира, что проходило через его естественно-научное сознание, становилось его религией. Оттого так несложна эта религия, которая у него вся исчерпывается положением: *Бог – Премудрый, Благой и всемогущий творец и промыслитель мира*, - положением принятым не только во всех христианских вероисповеданиях, но и еврейской и мусульманской религиях. Если говорится в ломоносовской религии о начале мира, то *ничего - о конце его, о душе человека, о загробном мире*⁹. Ниже, обращаясь в «теории двух книг», изложенной Ломоносовым в 1761 г. в его работе «Явление Венеры на солнце»¹⁰, А. Попов утверждал, что Ломоносов в ней «просто устраняет Св. Писание, как источник физического познания Бога, мира и человека, и оставляет за ним значение руководства нравственной жизни и богопознания, поскольку к последнему приводит нравственный опыт¹¹».

Во второй из упомянутых статей автор отмечает, что «под “Богом” Ломоносов понимает некую *силу*, создавшую мир и двигающую всю вселенную. Сила эта *разумна*, всемогуща, щедра и т. д. <...> Эта сила, этот Бог Ломоносова непостижим, - и единственной возможной формой «угождения» этой силе является стремление приблизиться к ней. В чем же? Конечно в «разумности». <...> поэтому надо развивать разум, познавая мир, проникая в его тайны, тем самым приближаться к Богу». И из этих соображений, по мнению автора статьи, можно понять «те разногласия, которые выходили у Ломоносова с официальными представителями Богопочитания»¹² (стиль подлинника. – Э. К.). Ломоносов, отмечает далее Тукалевский, выстроил «цепь союза» между созданными, по мнению Ломоносова, Богом кирпичиками мироздания – материальными сферическими неделимыми шарообразными, неощутимо малыми частицами и Богом. Далее автор вносит свое понимание процесса творения: в этой цепи: между ее концами расположилось безграничное число ступеней, причем «каждое вещество, каждое существо – это все разные самостоятельные единственные творения Бога»¹³ Позже я вернусь к этой гипотезе, а пока обратимся к третьей статье, в которой Вера Дороватовская отметила очень важную особенность заимствований Ломоносова из Библии: все они взяты им из Ветхого завета, единственное исключение «составляют следующие стихи, в сущности, очень бледные, являющиеся слабым отражением христианских образов».

О, коль велико их создавше Божество!
 О, коль велика к нам щедрот его пучина,
 Что на землю послал единственного Сына!
 Не погнушался он на *малый шар* (курсив мой. – Э.К.) согги,
 Чтобы погибшего страданием спасти¹⁴.

Кстати, и А. Попов отметил это исключение когда писал, что в религии Ломоносова среди прочих христианских догматов отсутствует представление «о боговоплощении»¹⁵. Дороватовская далее как бы вторит Попову: «в христианстве мы имеем дело с типичнейшим религиозным

⁹ Указ. сборник. С.4. Курсив оригинала.

¹⁰ См. Полное собрание сочинений М. В. Ломоносова (в дальнейшем – ПСС) М.:Л. 1950-1983. Т.4.;

¹¹ Указ. сборник. С.7.

¹² Указ. сб. С.21.

¹³ Указ. сборник. С.24.

¹⁴ Там же. С. 35.

¹⁵ Там же. С.5.

миропониманием, чуждым Ломоносову, как естествоиспытателю прежде всего».¹⁶

В этом утверждении все справедливо, если говорить о взглядах зрелого Ломоносова. В детские и юношеские годы «религиозное миропонимание», безусловно, не могла быть ему чуждым. Процесс изменения взглядов на эту проблему был у Ломоносова очень трудным и длительным. В детстве и юности, вне всякого сомнения, его мировоззрение формировалось православной религией и полностью соответствовало библейским представлениям. Правда, юноша Ломоносов некоторое время принадлежал к старообрядческой общине беспоповского толка, но, представляется правдоподобным, что одной среди других причин отклонения его от ортодоксии в сторону беспоповства было недовольство поведением местного духовенства. Позднее такое отношение Ломоносова к православному духовенству особенно ярко проявилось в «Письме о сохранении и размножении российского народа»¹⁷ и в сатирическом стихотворении «Гимн бороде»¹⁸.

Во время учебы в Германии Ломоносов изучил современную ему физику, которая увлекла его теорией строения вещества и возможностью, как ему казалось, с ее помощью и по законам механики объяснить почти все явления «видимого всего мира». В то же время, вероятно, из рекомендованной ему Хр. Вольфом литературы Ломоносов мог узнать о взглядах П. Гассенди, а позднее - И. Ньютона.

Из сказанного следует, что Ломоносов именно в Германии познакомился с идеей о создании Богом атомов, хотя известно, что в Славяно-греко-латинской академии в одном из учебников, который мог читать Ломоносов, его автор Иоанникий Лихуд высказывался против существовавших до него утверждений, что Бог вначале создал бесформенную материю. Стоит заметить, что подобные взгляды были известны и такому иерарху, каким был Феофан Прокопович. Так в «Рассуждении о безбожии» он в шести пунктах изложил ведущие, по его мнению, к безбожию известные ему взгляды философов, принадлежавших к *Стоическому, Догматическому, Аристотелеву, Стоическому и Венедикта Спинозы атеизмам*. В п. 5 он записал: «*Епикурова и Стратоникова Авеисмов* (то есть - атеизмов. Курсив автора. – Э. К.) основание, якобы мира сего основание, есть из случайных атомов стечение»¹⁹. Не исключено, что мысль о совсем ином, чем изложено в Библии, акте творения могла запасть Ломоносову еще в Академии, а полученные позже подобного рода сведения легли уже на подготовленную почву. Ведь возбужденный ум Ломоносова постоянно искал ответов на волновавшие его мысли об устройстве мира.

Ломоносов перенял у своего учителя Хр. Вольфа, который был учеником и систематизатором идей Г. В. Лейбница (1646-1717), идею деизма, распространяемого в Германии на почве философского рационализма. Ломоносов не мог не воспринять такой подход, ведь для него, как для ученого, сохраняющего веру в Бога, открывалась возможность следовать основной цели науки – познавать законы, установленные Богом для мира и, тем самым, приближаться к познанию самого Бога.

Ломоносов вернулся из Германии не только проникнутый таким умонастроением, но и усвоенным во время учебы представлением об

¹⁶ Там же. С. 38.

¹⁷ См. ПСС. Т. 6. С.

¹⁸ ПСС. Т. 8. С.

¹⁹ Прокопович Ф. Рассуждение о безбожии, сочиненное архиепископом Великого Новгорода и Великих Лук Феофаном Прокоповичем. М., 1776. С. 2-5

атомном строении материи. Эти взгляды отразились в созданной им в 1743 г. первой в России научной программе, которая получила название «276 заметок по физике и корпускулярной философии». В заметке под номером 75 он записал: «У многих глубоко укоренилось убеждение, что метод философствования, опирающийся на атомы, либо не может объяснить происхождения вещей, либо, поскольку может, отвергает бога-творца. И в том и в другом они, конечно, ошибаются, ибо нет никаких природных начал, которые могли бы яснее и полнее объяснить *сущность материи и всеобщего движения, и никаких, которые с большей настоятельностью требовали бы существования всемогущего двигателя*» (курсив мой. – Э. К.) Далее он писал, что «пример объяснения творения дают следующие рассуждения»²⁰, но, к сожалению, этих рассуждений не привел и не описал своей системы взглядов. Однако, из этой заметки можно сделать вывод о том, что, по мнению Ломоносова, материальные неделимые частицы - атомы были сотворены Богом.

Попытаюсь теперь дать свою реконструкцию мыслей Ломоносова по этому поводу, на что дает мне право очень длительное изучение его естественнонаучного творчества. Не стану утверждать, что эта реконструкция будет полностью адекватной, но она, как мне представляется, окажется близкой к тому, что думал Ломоносов.

Итак, вместо «единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым» Ломоносов истово верил в единственное бесплотное, нематериальное существо – Бога, Премудрого, Благого промыслителя мира и всемогущего Творца. Этот Бог сотворил лишь мельчайшие невидимые глазу («нечувствительные») частицы м а т е р и и. Иначе говоря, Бог создал мир, в котором нет пустоты и все его пространство заполнено материей, которая по его воле получила громадное, но определенное количество движения. Заметим еще, что в созданном Богом мире, кроме него самого, нет никаких других нематериальных созданий²¹, а, следовательно, в нем не может быть ни небесных, не противостоящих им сил, не говоря уже о рае и аде. Это подтвердилось при создании конкорданса к Полному собранию сочинений Ломоносова²², когда оказалось что, ни в одном из научных или поэтических произведений Ломоносова, во всем его творческом наследии не найти никаких упоминаний архангелов или ангелов, не говоря уже о Властях, Началах, серафимах или херувимах. Нет у него ни дьявола, сатаны или чертей, а также ни ада, ни рая. К тому же нет и «атмосферы православия» - мистики.

Один из наиболее просвещенных православных богословов протоиерей С. Булгаков позднее отметил, что «Мистикой называется внутренний (мистический) опыт, который дает нам соприкосновение с духовным Божественным миром, а также *и внутреннее (а не внешнее только) постижение нашего природного мира*»²³ (Курсив мой. - Э. К.). Вот это «внутреннее», то есть мистическое постижение мира у Ломоносова тоже полностью отсутствует! Поэтому справедливым представляется вывод, что все сверхчувственные и мистические представления не нашли места в его мировоззрении.

²⁰ ПСС. Т. 1. С.119.

²¹ Ломоносов писал (См. ПСС. Т.3. С.239.): «Это доказывает существование Бога-создателя и показывает, что *не случайно материя образовала в с е*» (Курсив мой. - Э. К.). В лат. оригинале выделенное курсивом выглядит так: «... non casu materiam omnia formasse».

²² Эту работу по инициативе Музея М. В. Ломоносова с 2003 г. ведет Институт лингвистических исследований РАН.

²³ Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения православной церкви. Киев. 1991. С. 176.

Перейдем теперь к тому, что Ломоносов называл материей. С представлением о ней и с самим этим словом Ломоносов тоже мог познакомиться во время учебы в Академии, поскольку в России оно было уже известно. И. И. Срезневский отметил только один случай употребления слова материя в древнерусской литературе: «*іаòâðè*— *materia: Còâîðè âñâëâíqè zhièè ^ іаòâðè > іââèâèà* (нов. пер. ^ *âñòâà*)» *Прем. XI. 18. Библ. 1499 г.*²⁴. Эта цитата была взята им из первой в России Библии полного состава. Работу по созданию такой Библии возглавил новгородский владыка Геннадий и она была закончена в 1499 г. На заглавном листе этой рукописной книги значится, что она писана “при великом князе Иване Васильевиче всея Руси самодержце, и при митрополите всея Руси Симоне и при архиерее новгородском Геннадие, в великом Нове-Городе, в дворе архиепископле”.

В XVIII в. слово ‘материя’, по утверждению М. Фасмера, появилось в России, «начиная с Петра I <...> через польск. *materia* <...> или нем. *Materie* <...> из лат. *materia*»²⁵ и затем достаточно (для того времени) широко распространилось. Его использовали различные авторы, причем оно употреблялось, как отмечает Словарь русского языка XVIII в.²⁶, в пяти различных значениях. Так В. К. Третьяковский, человек достаточно далекий от естественных наук, в 1750 г. употреблял его в философском смысле, причем свободно, как давно известное, по крайней мере, образованному обществу слово. В «Письме к приятелю» он писал: «От количества сотворенныя материи, по мнению знатнейших Философов, ничего не пропадает; но токмо она инде прибавляется, а инде по тому же убавляется»²⁷. Стоит, однако, отметить, что в источниках, увидевших свет до 1745 г., то есть до начала активной творческой деятельности Ломоносова, употреблений слова ‘материя’ заметно мало.

Какую духовную литературу мог читать Ломоносов до и во время учебы в Академии? Скорее всего, это были Псалтирь, книги Нового завета, Жития, руководства по богослужению и, едва ли, – Ветхий завет. Как известно, после длительных трудов по настоятельному побуждению императрицы Елизаветы Петровны удалось, наконец, напечатать в 1751 г. исправленную Библию. Она была первой Библией, пущенной в вольную продажу по цене 5 рублей. Но поскольку все это произошло после возвращения Ломоносова из Германии, то, понятно, что она не могла ранее попасть в его руки. Те же книги, которые мог читать Ломоносов, смеем утверждать, в своих текстах слова ‘материя’ не имели. С этим понятием Ломоносов мог столкнуться только в написанных братьями Лихудами на латинском языке учебниках для учащихся Славяно-греко-латинской академии. Среди ряда других ими был написан и учебник по физике на греческом и латинском языках. В нем, согласно средневековой европейской традиции, с физикой знакомили по Аристотелю, поэтому нет сомнения, что именно в этом учебнике Ломоносов впервые увидел слово ‘материя’ и познакомился с его значением, которое придавал ему Аристотель. В близкое Ломоносову время слово ‘материя’ употреблял Феофан Прокопович, который в своем «Рассуждении о

²⁴ Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка. М., 1958. Т. 2. С. 117.

²⁵ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1967. Т. 2. С. 531.

²⁶ Словарь русского языка XVIII века. СПб., 2001. Вып. 12. С. 89-90.

²⁷ Цит. по Словарю русского языка XVIII века. С. 89.

безбожии» писал: «...ибо есть иное **материи первой** (Выделено мной. – Э. К.) существенно нужное, и Богу собезначальное причитати бытие?»²⁸

Трудно ли было Ломоносову освоить это понятие? Известно, что он был крестьянским сыном, и поэтому с большой степенью вероятности можем утверждать, что, как и почти все крестьяне, был как бы «стихийным материалистом». Понятно, что сам Ломоносов в то время не давал и не мог дать своему мировоззрению такого определения, но это не меняет сути дела. Поясню, что имеется в виду. Человек, работающий на земле, ухаживающий за скотом, обязанный заботиться о пропитании семьи, охотник, естественно, не мог придти к мысли, что он живет не в объективно существующем мире, а в мире идей или платоновских теней. В противном случае и он, и его семья не долго бы были живыми и действительно перешли бы в «мир теней». Итак, Ломоносов никогда не сомневался, что все окружающие его вещи существуют вне зависимости от его сознания, что, следовательно, они **материальны**. К тому же, знакомясь в детстве с азами христианского вероучения, Ломоносов узнал, что этот мир создан Богом и **реально** существует. Вследствие такого образа мыслей для Ломоносова слово 'материя' и скрывающееся за ним понятие оказалось совершенно естественными и не вызывали в нем отторжения. Он окончательно интериоризировал это понятие, когда стал учиться в Марбургском университете и читать книги, не только написанные его учителем Хр. Вольфом, но и рекомендованные им своим ученикам. Неудивительно, что уже во второй студенческой диссертации Ломоносов использует это слово, цитируя Вольфа: *Danatur interstitial in corporibus ab ea materia ex qua constant, vacua, eaque replentur alia quadam materia fluida insensibili* (Phys. Dogmat., 36 et 7), или в переводе на русский язык: **В телах существуют промежутки, не содержащие той материи, из которой тела состоят** (Выделено мной. – Э. К.) и они наполняются какой-то другой нечувствительной жидкой материей²⁹ (Далее следует ссылка на книгу Хр. Вольфа *Vernünfftige Gedancken von den Würckungen der Natur*. Halle, 1723). Следовательно, из этих книг и прослушанных лекций Ломоносов узнал, что тела состоят из материи.

Посмотрим, как Ломоносов представлял себе материю и какими свойствами она обладает. Собираясь, по-видимому, написать трактат о материи, он записал: «В начале рассуждения о материи надо поместить определение ее: *материя есть протяженное неспроницаемое, делимое на нечувствительные части (сперва, однако, сказать, что тела состоят из материи и формы. И показать, что последняя зависит от первой)*»³⁰. Следовательно, материя частиц занимает в пространстве невероятно малое (*нечувствительное*), но все-таки некоторое место (*имеет протяженность*), которое ни что другое занять не может (*неспроницаемость*), и, поскольку движется, обладает силой инерции (в современном понимании – *инерционной массой*). Он считал, что материя созданных Богом частиц **абсолютно прочна и тверда**, и так как она, материя, определяет форму, то, детально доказывая он свою версию, Ломоносов утверждал, что частицы имеют форму шара.

Судя по другим высказываниям Ломоносова, Бог создал частицы разных диаметров, предназначая каждому химическому «элементу» (вещество,

²⁸ Прокопович Ф. Рассуждение о безбожии. М. 1774. С. 4

²⁹ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений (далее ПСС): В 11 т. М.:Л., 1950 – 1983. Т1. С.42 - 43.

³⁰ Там же. С. 107. Курсив наш.

которое далее невозможно разделить никаким химическим анализом), присущий только этому элементу диаметр частиц. Продолжая логику рассуждений Ломоносова, можно было бы предположить, что все частицы, независимо от диаметра, имеют совершенно одинаковую по всем признакам и свойствам материю (некую «первоматерию»). Однако это не так. Ломоносов приписал материи частиц каждого из диаметров свою, отличную от других инерцию, то есть плотность материи³¹.

Частицы материи одного элемента объединяются в корпускулы из которых состоит этот элемент состоит, и «разнородны, когда элементы их различны и соединены различным образом или в различном числе; **от этого происходит бесконечное разнообразие тел**»³².

Ломоносов, как уже отмечалось, был убежден, что после акта творения атомов Бог не вмешивается в ход событий, предоставив им идти по данным им миру законам. Если продолжить мысль Ломоносова, то из сказанного вытекает, что Бог предоставил миру, состоящему вначале из частиц, возможность группироваться, создавать тела и придти к тому, который мы видим сегодня. В этом нашем предположении остается неясным, а Ломоносов этого нигде не касался, каким образом происходил процесс эволюции материи и как в мире появились живые существа, в том числе и люди. Ведь, не вмешиваясь в ход земных событий, Бог, по Ломоносову, не мог участвовать в создании каждой группировки частиц и всего остального в цепи последовательных актов Творения, как считал П. Гассенди. Можно только предположить, что Ломоносов именно из-за этих совершенно непреодолимых для него трудностей так и не решился довести свое понимание мироустройства до завершения.

Но, как бы не представлял Ломоносов процесс творения, могущество Бога-Творца, оказалось неизмеримо больше могущества библейского Бога. Ведь тот Бог создал и населил только одну Землю, а Бог-Творец, Бог-Зиждитель создал Вселенную, в которой имеется множество миров, подобных нашему, и в любой части которой действуют одни и те же *leges naturae* – законы природы, то есть те законы, по которым функционирует созданный им мир. В 1743 г., в стихотворении «Вечернее размышлении о Божиим величестве» Ломоносов писал:

Уста премудрых нам гласят:
«Там разных множество светов,
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков;
Для общей славы божества
Там равна сила естества»³³.

Как видим, Ломоносов считал «славу божества» общей для «множества светов» (то есть миров), в которых действуют одни и те же мировые законы («сила естества»). Позднее Ломоносов прочитал и защищал от нападок книгу Б. Фонтенеля «Разговоры о множественности миров», причем удивительно, что в 1761 году (!) даже «до людей грамотных» ему пришлось отстаивать коперниканскую систему, которая, по их мнению, «противна закону». При этом Ломоносов кроме логических доводов, прибег и к

³¹ См. ПСС. Т. 1, С.119: 77. «Материя есть то, что дает телам протяженность и силу сопротивления» (инерцию, зависящую от плотности при одинаковом объеме тела).

³² ПСС. Т. 1. С.81.

³³ ПСС. Т. 8. С. 121.

«риторскому» (по Ломоносову это значит - иносказательному) приему, процитировав созданное им для этого случая стихотворение. В нем два астронома «в пиру» затеяли спор о том, что вокруг чего вращается – Солнце вокруг Земли или наоборот. Спросили повара, который так решил эту проблему: «Кто видел простака из поваров такого, который бы вертел очаг вокруг жаркого?»³⁴.

Свидетельство того, что Ломоносов разделял мнение Фонтенеля о возможности существования людей на планетах, можно также усмотреть из приведенного выше стихотворного отрывка, в котором Ломоносов Землю считает всего лишь *малым шаром*: Бог «на землю послал единственного Сына! Не погнушался он на *малый шар* (курсив мой. – Э.К.) сотти...». Значит, по Ломоносову, Земля была лишь одним (и не самым большим) из множества обитаемых миров и Сын Божий «не погнушался» сойти на нее.

Если бы у Ломоносова не было других более поздних высказываний, о которых будет сказано ниже, то представленная нами система ломоносовского взгляда на сотворение мира была бы достаточно стройной. Однако в работе «О слоях земных» Ломоносов, вопреки всем предыдущим рассуждениям, неожиданно утверждает, что *мир составлен из стихий*³⁵ (Курсив мой. – Э. К.). Этим термином в античной философии обозначали «первооснову бытия» - землю, воду, воздух и огонь. Ломоносов, как и все химики до него, в своей химической практике не смог разделить на составляющие воду, землю, воздух и, по-видимому, огонь, и поэтому решил, что «...зидительная божеская сила есть единственною непосредственною причиною бытия»³⁶ этих «стихий». Может быть, именно на этом основании он изменил свое первоначальное утверждение, что Бог создал мир из атомов. Впрочем, ранее, следуя методу Декарта вводить гипотезы *ad hoc*, то есть к данному случаю, Ломоносов для создания своей гипотезы происхождения света и цветов ввел архаичные «начала» - соляное, горючее и ртутное (См. «Слово о происхождении света, новую теорию о цветах представляющее»). Но каковым бы не было представление Ломоносова об акте творения, сотворил ли Бог мир из атомов или из стихий, он не отказался от мысли, что Бог сотворил весь мир не в «готовом виде», как утверждается в Библии.

Здесь целесообразно вернуться к содержанию его геологического труда «О слоях земных». Именно в нем Ломоносов высказал некоторые мысли, о том, как преобразовывался мир после его создания: «...твердо помнить должно, что видимые телесные на земли вещи и *весь мир* (курсив мой. Э. К.) не в таком состоянии были с начала от создания, как ныне находим, но великие происходили в нем перемены. <...> Когда и главные величайшие тела мира, планеты, и самые неподвижные звезды изменяются <...>, то в рассуждении малого нашего шара земного малейшие частицы то есть горы (ужасные в глазах наших громады), могут ли от перемен быть свободны?» Принося извинение читателю за следующую длинную цитату, нельзя не продолжить эти мысли: «Итак, напрасно многие думают, что все, как видим, с начала творцом создано, будто не токмо горы, доли и воды, но и разные виды минералов произошли вместе со всем светом и потому де не надобно исследовать причин, для чего они внутренними свойствами и положением мест разнятся. Таковые рассуждения весьма вредны приращению всех наук и натуральному знанию шара земного, и особливо искусству рудного дела,

³⁴ В статье, описывающей открытие им атмосферы на Венере (ПСС. Т. 4. С.372)

³⁵ ПСС. Т.5. С. 575.

³⁶ ПСС. Т.5. С.575.

хотя оним умникам (каков сарказм прорывается здесь у ученого-рационалиста Ломоносова! – Э. К.) и легко быть философами, выучась наизусть три слова: “Бог так сотворил” – и сие дая в ответ вместо всех причин»³⁷.

Далее в этой работе («О слоях земных») Ломоносов, предвидя возможные возражения, как и в случае с его утверждением о наличии атмосферы на Венере, ссылается на «богомудрого святителя и глубокого философа» Василия Великого, который «довольные показал примеры, как содружать примеры спорные, по-видимому, со священным писанием натуральные правды. <...> ибо и натура есть некоторое евангелие, благовествующее неумолчно творческую силу, премудрость и величие» [Бога]³⁸.

Рассмотренные выше взгляды Ломоносова, достаточно ясно показывают, что при свойственном ему деистическом подходе в его мироустройстве не было места не только сверхчувственным аду и раю, но и первородному греху и Св. Троице. У Ломоносова имеется только один (отмеченный выше) случай упоминания боговоплощения, но и тот, как уже говорилось, понадобился ему, чтобы показать как мала Земля среди других, в том числе и обитаемых, небесных тел. Справедливости ради надо еще отметить, что, доказывая обитаемость других планет, Ломоносов высказал предположение, что «тамошние люди в Адаме не согрешили»³⁹, то есть не совершили первородного греха. Но здесь, вероятно в мысленном споре с противниками «множественности миров», Ломоносов решил использовать довод из арсенала оппонентов.

Все, что рассмотрено выше, по нашему представлению, объясняет замеченное Верой Дороватовской обстоятельство: отсутствие в творчестве Ломоносова заимствований из Нового Завета. Все, что касается Св. Троицы, боговоплощения, спасительной миссии Христа и др. не занимало места в его мировоззрении. К этому стоит добавить, что Ломоносов, как ученый геолог, не мог согласиться с тем возрастом Земли, который господствовал в то время в официальном православном представлении⁴⁰.

После всего сказанного возникает вопрос: как уживались в нем эти взгляды с его принадлежностью к православной церкви, которую Ломоносов проявлял не только в жизни, но и в случаях, когда он считал своим долгом ее защищать. Ответ, как мне представляется, заключается в уже упомянутой выше деистической позиции Ломоносова, которую он в отношении к религии представлял себе следующим образом: деизм это способ мышления ученых, народ же должен оставаться в лоне религии. Духовенство обязано показывать путь к добродетели, представлять «награждение праведным, наказание законопреступным и благополучие жития, с волею божию согласного»⁴¹. Ломоносов, несомненно, посещал богослужения и, как свойственно многим православным, в той или иной мере соблюдал обряды и церковные установления. Вместе с тем он не скрывал своих претензий к православному духовенству, которое, по его глубокому убеждению, вместо того, чтобы руководить нравственным воспитанием своей паствы, предавалось лени и пьянству. Священнослужители, считал Ломоносов, не только должны Богу молиться, «но и обучать страху божию и честным нравам словом и примером, а особенно молодых людей». И далее он

³⁷ ПСС. Т. 5. С.574-575.

³⁸ Там же С. 612.

³⁹ ПСС.. Т. 4. С. 375

⁴⁰ См. ПСС. Т. 5. С. 616..

⁴¹ ПСС. Т. 4. С.375.

разъясняет: «К слову принадлежит знание истинного красноречия, состоящего в основательном учении, а не в пустых раздобарах (так у Л. – Э.К.). <...>А у нас по многим местам и попы сами чуть столько грамоте знают, сколько там мужичий батрак или коровницы умеет». «К примерам, пишет далее Ломоносов, надлежит честное житие всех служителей алтаря и слова господня». И вот пример-то, по его мнению, духовенство подает плохой: «... у нас при каждой пирушке по городам и деревням попы – первые пьяницы. И не довольствуясь тем, с обеда по кабакам ходят, а иногда и до крови дерутся».

Ломоносов был убежден, что «Ежели надлежащим образом духовенство должность свою исправлять будет, то благосостояние общества несравненно и паче чаяния возвысится...»⁴². Следуя такой установке, Ломоносов становился на защиту церковных интересов тогда, когда считал, что им что-то может угрожать. Так, например, в Репорте, направленном им 21 июня 1750 г. в Академическую канцелярию по итогам обсуждения работы академика Г. Ф. Мллера «О происхождении имени и народа российского», он писал «... должно опасаться, чтобы не было соблазну православной российской церкви от того, что господин Миллер полагает поселение славян на Днепре и Новгороде после времен апостольских; а церковь российская повсягдно воспоминает о приходе святого апостола Андрея Первозванного на Днепр и в Новгород к славянам, где и крест от него поставлен и ныне высочайшим ея величества указом строится на оном месте каменная церковь.»⁴³

Таким образом, проведенный в статье анализ позволяет сделать вывод, что вера Ломоносова в Бога, в акт творения весьма заметно отличалась от догматической. Она претерпела существенные изменения в горниле его естественнонаучного мышления, но, несмотря на это Ломоносов утверждал, что «При всем сем христианская вера стоит непреложна. Она божиему творению не может быть противна, ниже ей божие творение, *разве тем[и] чинится противность, кои в творения божия не вникают*»⁴⁴. (Курсив мой. – Э. К.)

В заключение хотелось бы обратить внимание на еще одну, среди известных других, гениальную догадку Ломоносова. Утверждением о создании Богом мироздания из атомов он как бы предвосхитил основное положение современной теории Большого взрыва, согласно которой началом Вселенной был взрыв одного «атома», вследствие немислимой величины его плотности. Как известно, это предположение было подтверждено обнаружением предсказанного теорией реликтового радиоизлучения. Наличие или отсутствие Бога, творца этого «атома», практически ничего не меняет в современном научном мировоззрении, оставляя в стороне совершенно нерешаемый в таком случае вопрос о Боге.

В заключение остается только еще раз восхититься смелостью мысли человека, выходца из народных низов, способного выработать *в то время и в тех условиях* свое вполне научное для того времени мировоззрение, которое стало началом эмансипации русской науки, ее независимости от религиозных установок.

Добавления:

⁴² ПСС. Т. 6. С. 407-408.

⁴³ ПСС. Т. 6. С.80.

⁴⁴ ПСС. Т. 4. С.375.

Ричард Докинз. Бог как иллюзия. С. 39-40

Для более полного описания Авраамова творца упрощенное определение гипотезы бога, с которого я начал главу, нужно развить. Авраамов бог не только создал Вселенную; он — обитающий в ней или за ее пределами (что бы это ни означало) персонифицированный бог с набором уже упомянутых выше неприятных человеческих черт характера.

Деистскому богу Вольтера или Томаса Пейна человеческие черты — приятные или неприятные — не свойственны вообще. По сравнению с неумным психопатом из Ветхого Завета деистский бог XVIII века, эпохи Просвещения, представляет собой гораздо более возвышенное существо, достойное своего космического детища, не обращающее в своем величии внимания на людские заботы, высокомерно отрешенное от наших мыслей и чаяний и безразличное к постыдным грешкам и запутанным оправданиям. Деистский бог — присный и во веки веков физик, альфа и омега математики, апофеоз творческого гения; Верховный Инженер, установивший и отладивший с филигранной точностью законы и константы Вселенной, устроивший то, что мы называем нынче "Горячим Большим Взрывом", а затем удалившийся на покой и больше никогда о себе не заявлявший.